

Шедяков В.Е.,

кандидат экономических наук, доктор социологических наук,
независимый исследователь
г. Киев, Украина

ИДЕАЛЬНОЕ – РЕАЛЬНОЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕРЫ ВЗАИМОРЕЗОНИРОВАНИЯ, АДЕКВАТНОЙ ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

Аннотация

Природа идеального исследуется в соотношении всеобщего и специфического в процессах социализации/аккультурации и индивидуализации, творческого и отчуждённого освоения мира. Борьба смыслов/идеалов рассматривается в контексте конкуренции Сверхпроектов культурно-цивилизационных миров. Постсовременная мера взаимовлияния и взаимоперехода реальности и виртуальности связывается с постглобальным состоянием общественной жизни. Адекватная содержательным и функционально-ролевым трансформациям организационно-управленческой политика характеризуется с позиций тенденций комплексной гуманизации общественных отношений. Для обеспечения гармоничного состояния разноуровневых интересов и соборности культурно-цивилизационного мира в анализ вовлекается стратегия, тактика и оператика перемен. Внимание фиксируется на росте значения модернизации информационной инфраструктуры для проведения стратегической футуродиагностики и обеспечения общественного дизайна, позволяющих использовать постсовременную меру взаиморезонирования идеального и реального, адекватную обществу знаний.

Вступление

Распространение виртуальной реальности, умножение возможных миров на развилке каждого выбора, усложнение структуры взаимодействий реального мира – всё это наряду с прочими особенностями усиливающихся тенденций общества, основанного на знаниях (или, короче, «общества знаний») требует соответствующих структур для индивидуальной и социальной реализации новой меры взаимного резонирования идеального и реального [1–5]. Информационный взрыв усилил общественное звучание ресурсно-методологических баз информационной конкуренции, превратив их использование в один из решающих факторов геостратегического полилога. Попытки же сохранения прежних рамок для адекватного новой эпохе звучания, «старые меха для нового вина» могут не только существенно усложнить формообразование, но и дать толчок опасным социальным процессам.

Методологической основой исследования послужили работы известных научных школ анализа проблемы идеального культурной системы общества, а также сопряжённых с ней: рефлексивного отражения, отношений репрезентации, ценностно-смыслового основания свободы и творческого преодоления отчуждения (от Конфуция и Аристотеля (Платона), И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля и А. Смита, К. Маркса и А. Грамши до А. Абишевой, С. Аверинцева, А. Агга, А. Арсеньева, Л. Архангельского, В. Барулина, С. Батенина, М. Бахтина, Н. Бердяева, М. Блецкана, А. Бодрова, В. Босенко, В. Брожика, Д. Бэкхерста, И. Ватина, И. Витаньи, Г. Водолазова, Э. Глаголевой, Ю. Давыдова, Б. Додонова, О. Дробницкого, Д. Дубровского, М. Желнова, В. Звиглянича, А. Здравомыслова, И. Ивакина, С. Ивентьева, Э. Ильенкова, И. Ильина, Х. Йоаса, М. Кагана, Н. Казановой, Б. Кедрова, М. Князевой, П. Копнина, А. Коршунова, В. Лекторского, А. Леонтьева,

М. Лившица, Д. Лихачёва, Г. Лобастова, А. Лосева, Н. Лосского, Ю. Лотмана, А. Любичева, Л. Ляховой, Г. Маркузе, М. Мамардашвили, К. Мангейма, Е. и С. Мареевых, В. Межуева, Дж. Мура, И. Нарского, Н. Носова, К. Платонова, Н. Победы, В. Пономаренко, М. Прохорова, Е. Режабека, Н. Рагозина, М. Розенталя, М. Рокича, Н. Рыбакова, В. Сагатовского, Г. Солодкова, А. Спиркина, В. Толстых, А. Уледова, П. Фейерабенда, П. Флоренского, С. Франка, И. Фролова, Э. Фромма, М. Фуко, М. Хайдеггера, З. Цораева, В. Шаповалова и некоторых других – прежде всего, на базе развития марксова анализа роли стоимости (уровень социально-материального), формы стоимости (уровень социально-идеального) и потребительной стоимости (уровень материально-вещного) в диалектике абстрактного и конкретного труда, содержания и форм труда, процессе труда и процессе производства и в жизни общества в целом. Многие исследователи – например, Л. Беляева, А. Бузгалин, О. Буторина, Б. Дубин, Е. Головаха, В. Иноземцев, В. Кизима, А. Колганов, Е. Копатько, А. Кравченко, Н. Лапин, Н. Панина, Н. Полякова, В. Федотова, Л. Филинская, В. Шилов, Д. Яковлев – с успехом раскрывают особенности динамик постсоветского социокультурного пространства.

Таким образом, цель материала – изложение результатов анализа в 1982–2017 гг. автором взаимодействий фундаментальных и актуальных аспектов соотношения идеального и реального. Это обеспечивается путём первоочередного анализа:

- места идеального начала в организации и развитии общественной жизни;
- возможностей и отличий поглобального состояния общественных коммуникаций;
- аспектов взаиморезонирования идеального и реального, характерных тенденциям становления общества знаний,
- потенциала оптимизации организационно-управленческих структур соответственно новым рискам и перспективам.

Постглобализм и новая мера взаиморезонирования идеального и реального

Вымысел не есть обман, замысел – ещё не точка
Б. Окуджава

Идеальное является не только важнейшим фактором развития общества, но и значимой характеристикой прогресса в практическом и теоретическом освоении мира и развитии человечества. Духовное, душевное и интеллектуальное напряжение, их эмоциональное и рациональное измерения – элементы не только психического становления отдельного человека, но и социокультурного основания конкуренции культурно-цивилизационных миров; в этом контексте «идеальное есть только модификация всеобщего» [6, с. 136].

На пересечениях этих осей развития сформированы представления о трёх взаимообуславливающих ипостасях культуры: Истине, Добре и Красоте. Соответственно, разрыв в уровнях их развития таит опасности для цивилизации и отдельного человека. Вооружённость интеллектом и техникой тем более требует прочного социокультурного основания. Под влиянием уровня разделения труда включённость духовного творчества (прежде всего, научно-интеллектуального и художественно-образного) в процесс существующего общественного производства приобретает черты доминирования анализа/синтеза, соотношения универсальности/функциональности. Состояние и динамика социокультурных полей мира продуцирует конкретные формы взаимосвязей общественной психологии и

общественной идеологии в духовной жизни, переплетений теоретического и повседневного уровней индивидуального и общественного сознания.

Интеллектуальное и нравственное измерения общественной жизни и хозяйственно-производственной деятельности формируют как качество фундаментально-методологического фундамента практико-теоретического освоения действительности, так и напряжённость творческого поиска [7–12]. Образность, метафоричность, ассоциативность, насыщенность аллюзиями становятся важными ресурсами донесения своих идей и идеалов, влияния идеального поля жизнедеятельности на реальное. Впитывая особенности ценностно-смысловых комплексов, оперирование образами осуществляет воздействие на переход между общественным и индивидуальным восприятием: природа самих ценностей предполагает рассмотрение с позиций отпечатка общественного сознания в индивидуальном, входит в соприкосновение с составляющими элементами социальной памяти, общественных мифов и традиций, отражая совокупность свойств идеального. Идеальность как черта не только бытия потенциального или субъективного представления (коллективного или индивидуального), но и формы представленности, деятельностного замещения одного предмета другим позволяет анализ этой «чувственно-сверхчувственной» реальности. При этом средствами культуры осуществляется идеальная репрезентация материальной действительности, когда идеальное является признаком истинности бытия материального. Отношения социальной идеальности ценностно-смысловых комплексов как своего рода объективной субъективности и подтверждают дополнительно роль в качестве ресурса общественной интеграции и формирования полноценных социокультурных полей. Создание и распространение привлекательного образа не просто притягивают потенциальных сторонников, информационно «заражает» и активизирует их, они, фактически, материализуют идеи, подходы, переводя виртуальный мир в реальную плоскость и обеспечивая получение действенных преимуществ. Формирование образа апеллирует к опыту и настроению, интегрируя феномены культуры художественной и интеллектуальной, что позволяет под видом рациональных решений скрывать иррациональные начала, обходя ловушки критицизма и рассудительности [13–16].

Духовное производство усиливает своё значение важнейшей части социально-экономических систем. Вместе с тем, с одной стороны, оно испытывает заметное давление со стороны акторов глобальных процессов, с другой, зиждется на особенностях форм, предоставляемых базовыми ценностно-смысловыми комплексами культурно-цивилизационных миров. Духовное производство фиксирует на фундаментальном уровне производность общественного сознания от общественного бытия, на актуальном же – наоборот, общественного бытия от общественного сознания. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутренние и внешние очертания. Одновременно духовное творчество как неотъемлемая определённости духовного производства, оказывается крайне чутким к отчуждающим человеческую личность факторам. Так, творческое начало предполагает реализацию сущностных сил человека, потому имманентно его природе. Вместе с тем растёт заинтересованность в паразитировании именно на духовной (в частности, интеллектуальной) одарённости, сдвигая акценты в процессах отчуждения.

Однако отчуждение – принудительная социализация в неприсущих человеку формах – общественно необходима до создания адекватного материального и духовного

фундамента самораскрытия человека (и природы им). При этом всеобщность/тотальность отчуждения акцентирует возможности иррационально-превращённых форм в реализации творческой одарённости человека, необходимость раскрывает потенциал свободы. «Человек самодетелен, если он сам регулирует свою деятельность, свой обмен веществ с природой, если он свободен в своей общественной жизни, действует по своему внутреннему побуждению, а не по внешнему принуждению» [17, с. 91]. Трудовое начало общественной жизни проявляется в аспектах как стоимостно-праксеологических, так и ценностно-аксиологических. А всеобщность общественных отношений капитала обеспечивает распространённость капитализированной формы богатства, которое и выступает, в частности, капиталом реальным, социокультурным, etc., проявляясь в процессах очеловечивания-овещнения в общественной жизни и функции личности в социальной структуре.

«Репрезентацию», то есть воплощение общественно-человеческого содержания в знаках, символах, стереотипах, институтах и прочих материальных объектах или явлениях вторичного типа, по преимуществу, нельзя смешивать с «репрезентацией» в объективном смысле, существующей независимо от человеческого сознания, сознания общественного или индивидуального, существующего в обществе или в природе» [6, с. 138]. Соответственно, и эпоха доминирования простого труда – период истории, когда человек вынужден делать сам то, что возможно превратить в удел внешних (вещных, технико-технологических) процессов. С одной стороны, с усилением тенденций формирования в глобальном масштабе «умного общества» знаний закономерно повышается общественное значение научно-интеллектуальной деятельности, ведя к превращению и образования (самообразования) в непрерывный процесс, и науки в первую (ведущую) производительную силу общества через положение непосредственной производительной силы. Для высвобождения своего созидательного потенциала наука обретает характеристики постнеклассической, интегрируя методы и возможности разных сфер знания. Вместе с тем, всё новые волны механизации, автоматизации, роботизации и т.п. сосредотачивают интерес к субъективному фактору производства, прежде всего, на его творческих (в первую очередь, интеллектуально-творческих) способностях, комбинации которых обладают заведомо глубоко индивидуальным характером [18–21].

С другой стороны, без надёжного морально-этического основания человечество ныне в состоянии нанести критично большой урон и окружающей среде, и себе. Традиции и ценности всегда формировали силы самосохранения и саморазвития ойкумены. Однако только теперь угрозы достигли планетарного масштаба, формируя вызовы как ценности самой человеческой жизни, так и достоянию мировой (духовной и материальной) культуры. В частности, этическая база материально-экономических отношений охватывает не только прежние (в том числе религиозные и иерархические) ценности, но и новые, связанные с критическим взглядом на «технологическое рабство» и производственный императив жизни, с ориентацией на гармонию труда и самостоятельность выбора деятельности, её места и времени. Вместе с тем, экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках предопределённой рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животнo-вещной репродукции. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и

индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей свободы. Противоречие родовых сил разворачивается в социальные конфликты, вызывая варианты сублимации. Если внутренняя характеристика сил – их рационально-эмоциональная определённость, то внешняя – единство вещественного содержания, форм вещественных и общественных.

Соответственно, ныне человечество входит в период гораздо более радикальных перемен, нежели привычные. В частности, существо трансформаций связано с перерастанием стадияльного (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Одним из важнейших измерений прогресса человечества становится мера общественной востребованности реализации глубоко индивидуальной комбинации сущностных сил каждого, соотношение внешнего принуждения и внутреннего побуждения конкретных форм их проявления. Уже продукты труда как стоимость есть лишь вещное выражение человеческого труда, вещная видимость общественного характера труда. Вообще социально-политический регресс – индивидуальная редукция до звериных инстинктов и общественная атомизация – стимулируются средой «сумеречного сознания», ориентирующей на потребительство и накопительство, отвергающей сущностные силы человека в пользу фетишизации вещей и капитала. Однако человечество уже исчерпывает потенциал прежнего типа развития, базировавшегося на стремлении к безграничному хозяйственному экстенсивному росту, требовавшего повышения неравномерности социальных возможностей, экспансии на новые рынки и, следовательно, постоянства потребительского угара и военных авантур. Однако, упершись в непреодолимую преграду угрозы всему живому от устаревающих стратегий, человечество и вынуждено, и имеет всё необходимое, чтобы переходить к акценту на интеллектоёмкие экологичные естественно-природные технологии с приоритетом уважения к окружающей среде и гуманизации общества.

Длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей и угрозами не только экологии человека, но и всей планетарной экосистеме. И если ранее зачастую на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то теперь этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают и оберегают общество и его экономику. Соответственно, вопрос распространения социально ответственного поведения приобретает кардинальное значение. При этом аккумуляция / социализация формирует две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (с присоединением к ценностям и смыслам наиболее успешной в данный период истории). Так, основными чертами, определяющими диапазон как наметившихся стратегических трансформаций, так и воздействия на них, становится переход: – от экономики простого труда к экономике уникального творчества, – от экзогенного количественного роста к эндогенному качественному развитию – от доминанты материального к духовно-нравственному и интеллектуальному, – от базирования на расходовании физического труда как основной части общественно-необходимого к духовно-интеллектуальной деятельности как его определяющей составляющей части – от ориентации на сверхпотребительство и погоню за удовольствиями к ценностям нравственности и

созидания, – от формационного к неформационному, – от обмена на основе сравнения товаров к обмену на базе сопоставления способностей, – от дихотомии демократии/автократии к ощутимым элементам меритократии, – от концептуальной открытости к признанию права на самоценность и обособленности культурно-цивилизационных миров, – от космополитизма/национализма к регионализму и стратегическому партнёрству, – от навязывания единства шаблонов глобализма к постглобальному разнообразию на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. В этой ситуации стремительно увеличиваются гетерогенность, неопределённость, подвижность границ, кардинально меняется соотношение общественных норм и аномалий [22–28].

Другое дело, что в условиях непривилегированных регионов возможности постглобализма накладываются на контрмодерн «нового средневековья» с откатом в мистику, верования и суеверия. При этом отрыв лидеров от обираемой ими оставшейся части мира нарастает – и это тоже становится условием успеха лидеров. Соотношение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивиде и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании/творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродуцировании/размножении. Звериное начало искушают сытостью, человеческое – справедливостью в обеспечении реализации идеалов свободы, равенства и братства. И путь реформ – направление укрепления собственно человеческого начала в обществе, соответственно, очеловечивания общественной жизни, гуманизации социально-политических и социально-экономических отношений. Отнюдь не формальные конструкторы, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, а новые горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала каждого. Вместе с тем, идеалы Красоты, Добра, Истины не только формируют представления и установки, но и выводят за пределы актуальной жизни. Причём развёртывание виртуальных реальностей повышают арсенал обоюдного давления при взаимопереходах виртуального и реального, одухотворении материального и материализации духовного. Между тем, оценка реального происходит в сравнении его с идеальным. Идеалы общественных справедливости, свободы и равенства преломляются сквозь представления каждого культурно-цивилизационного мира, сконцентрированные в его базовых ценностно-смысловых комплексах. Баланс реализма и символики в тексте чутко отражает как общемировые процессы, так и динамику событий внутри культурно-цивилизационного мира, продолжая оставаться важнейшим ресурсом социально-политической идентификации / самоидентификации. Появление «новых медиа», «смайликовой» культуры, возможности получать и оценивать информацию с позиций различных смысловых платформ обеспечивает расширение диапазона и комбинаций участия в событиях культуры, что существенно изменяет соотношение социализации/аккультурации и индивидуализации освоения социокультурного пространства. Вместе с тем карнавальность – это и средство радикализации настроений и действий толпы, повышения истеричности реакций (так, к примеру, библейские и античные сюжеты активно эксплуатировались для оправдания поступков во времена британской и французской революций). Движение коммуникации от модели «один к одному» (классический вариант) к «один ко многим» (масс медиа) и «многие со многими» (новые медиа) дополняется переходом

от внетекстовых форм общения в первобытном обществе (наскальные рисунки, пещерные изображения и проч.) к устным текстам, текстам письменным, радио – и телеобращениям, а также интернет-общению – с возвратом к «смайликовым» (опять внетекстовым) формам. При этом определённая социальность исторична и изменчива. Развитие ойкумены проходит в формах конкуренции культурно-цивилизационных миров, создающих вереницы Сверхпроектов, наделяя их своими специфическими чертами и характеристиками [29–35].

Организационно-управленческие структурные изменения, обеспечивающие адекватность новой мере взаиморезонирования идеального и реального

Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо, кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей?
К. Маркс

Идеальное объективируемо вне человека, но характеризует разнообразные отношения. При этом внимания требуют как материальная, так и нематериальная составляющие изменений. Соответственно, идеально-духовное содержание культуры подвижно. Развитие – в нарастании идеального путем очеловечивания мира, что предполагает не произвол в навязывании ему неприсущих свойств и функций, а помощь в его самореализации «так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта» [36, с. 111]. Так, «с уничтожением простого труда прежняя основа материального производства, а в конечном итоге и всей социальности – разделение необходимого и прибавочного труда – уничтожается [13, с. 110]. Это акцентирует создание: стимулирующей очеловечивание мира и общественных отношений среды; «точек роста», концентрирующих позитивные трансформации [37–41]. Важнейшей задачей стратегического управления является создание Сверхпроекта, способного консолидировать и мотивировать народ. Для этого требуется не идеализация прошлого и не примитивизация шароварщины, но устремлённость в будущее, прочно растущая из ценностно-смысловых комплексов истории. В свою очередь, формирование притягательности общественного идеала предполагает, прежде всего, укрепление как стимулирующей желательные изменения общественной среды, так и точек объединения позитивных трансформаций. Причем история знала периоды, когда консолидирующим основанием оказывались то отказ от развития, то отрицательная моральная сила, – за что впоследствии приходила расплата. В информационную же эпоху соответствующая составляющая становится важнейшей, а то и предопределяющей результат в балансе с мерами директивного давления. Потому адекватность идеального материальному с возрастанием значения виртуальности превращается в значимый фактор общественных динамик.

Ныне приоритетом стратегического управления становится очеловечивание общественной жизни и создание социальных условий свободы и творчества для наиболее полного осуществления и развития глубоко индивидуального комплекса одаренности каждого. Глубоко личностный характер одарённости отражается в интегральных качествах материального и духовного производства, в ассоциации и кооперации деятельности по созданию и распространению предметов культуры, навыков и знаний. Общественно полезное раскрытие научно-интеллектуального потенциала предполагает наличие и развитие его ценностного основания.

Стимулирование использования способностей персонала требует усиления гуманизации социально-экономических отношений как направления интеллектуализации производства.

Гуманизация, очеловечивание мира суть углубление освоения человеком собственных сущностных сил и раскрытия мира; «истина не только в соответствии нашего ума внешнему предмету, она и в адекватности этого предмета самому себе» [6, с. 130]. Если знания – важнейший ресурс качества жизни и преуспевания, а интеллектоёмкость и одухотворённость производства – необходимость обеспечения конкурентоспособности, то нравственность хозяйствования сегодня – обязательное условие сохранения жизни и культуры, доверия как основы сотрудничества и кооперации. Реализация требований интеллектуализации и гуманизации, в свою очередь, предполагает масштабное изменение направленности инвестиций с формированием адекватного Сверхпроекта развития культурно-цивилизационного мира. Конкуренция между культурно-цивилизационными мирами выглядит как соперничество их находящихся на разных стадиях Сверхпроектов. По существу, идет борьба не за прибыль как таковую, а за сферы влияния, за хозяйственную власть (конвертируемую в идеологическую и политическую). А это меняет и отношение к общественным динамикам, и значение разных институций. Отныне нет необходимости в стабильности спроса-предложения (напротив, для развития естественна стабильная нестабильность), а вот постоянство институтов и принципов права, условий страхования, кредитования, налогообложения, социальная и политическая стабильность совершенно необходимы. Причём всемирно-исторические изменения необратимы: они придают инвестиционной доминанте инновационный характер и попытки уйти от них ведут к ослаблению своих позиций.

Соответственно социокультурным динамикам меняется и исторический тип менеджмента социальной работы в ракурсе использования PR-отношений. На каждом конкретном этапе страны, организованные в экономическом и политическом плане определённым образом, достигают некоторых целей развития человека и своего народа в целом успешнее, чем прочие. Но время корректирует привычные представления. При усилении же мировых трансформаций постинформационного характера ценность своеобразных подходов, интерпретаций и мотивов каждого растёт. В нынешних условиях быть успешным глобальным конкурентом – значит, прежде всего, найти адекватную своим особенностям и соответствующую восходящим тенденциям общества знаний нишу.

Разрешение противоречий, которые при этом возникают в рамках процесса трансформации и придании новых, развитых (в частности, концентрирующихся вокруг процессов обучения), форм базовым ценностно-смысловым комплексам во многом зависит от качества решений управленческой элиты, развития институтов народовластия (включая производственную демократию и организацию социального партнёрства). Вместе с тем кризисность может восприниматься как толчок не к развитию, а к консервации и даже деградации, инициируя подчас попытки экономии на стимулах к творчеству. Так, после порывов высокого Модерна «сумерками сознания» порой опять востребуется шарлатанство суеверий и мистицизма, утрачивается вера в человеческий разум. Что повышает значимость характеристик постглобальности в формировании гармоничных сочетаний эмоционального и рационального измерений общественной и индивидуальной жизни. Неточные же управленческие решения способны закрепить и упрочить негативные процессы, нежелательные социальные и экономические динамики, увеличив опасность отката к

архаично-клановой культуре, обществу причудливого типа с преобладанием социально-экономических аномалий, повысив уровень социальной опасности, подготовив к срыву в контрмодерн. В любом случае, инверсионные явления неклассической трансформации позволяют более гармонично использовать имеющиеся иррационально-превращённые (иррационально-преобразованные) социально-экономические формы в процессе общественного регулирования, когда эффективность функционирования таких систем зависит от сбалансированности звеньев и ритмичности их взаимодействия.

Вместе с тем, индивидуальный и социальный уровни преобразований формируют продуктивную направленность их итогового вектора. Сегодня предшествующими поколениями в глобальном масштабе создана могучая материально-техническая база обеспечения развития именно на основе концепции социального государства. Сложившаяся ситуация конвертирует вопрос конкретизации представлений о социальном государстве в плоскость качества стратегического управления, субъектности перемен. Другими словами, проблема – в приоритете использования ресурсных баз, методологической грамотности и векторе интересов принимающих и реализующих социально значимые решения. В постсовременных условиях проведения рефлексивной модернизации реализация противоречий фокусируется на выборе между глубокой несправедливостью в распределении возможностей использования наличных и потенциальных ресурсных баз (прежде всего, в формах олигархата) и механизмами народовластия и народного контроля, поддерживающими равноправие людей и равнодоступность для них общественных благ.

Управление интеллектуальной деятельностью с усилением в глобальном масштабе структурирующего, системообразующего значения общества знаний становится решающим направлением успеха социально-экономического развития общества. Его миссия – развить, высвободить и активизировать созидательный интеллектуальный потенциал, опираясь на кардинально разнокачественные ресурсные базы и интегрируя не только имманентные возможности, но и эффективные и способные к развёртыванию в новых условиях моменты социального наследия предшествующих моделей (прежде всего, наработанных Традицией и Модерном). И управленческого технократизма с его «холодным», «объективированным» управлением и приоритетным требованием исполнительской лояльности совершенно недостаточно: он не высвобождает наиболее ценного ныне созидательного потенциала. Прогресс человечества трансформирует как общие свойства общества (в направлении «аграрное – индустриальное – постиндустриальное»), культуры (на генерализующем векторе «традиционная – современная – постмодерная»), эффективных моделей социального управления («традиционное управление – рационально-бюрократическое – инновационно-синергетическое»), поведенческих типов («делай так, потому что и до тебя так делали», «делай так, потому что это рационально», «делай так, потому что продуктивно»). При этом необходимость нового Сверхпроекта развития накладывается сегодня на нерешённость задач и классического модерна, сосуществование укладов, базирующихся на среде культуры традиционной, современной и постмодерной, общества аграрного, индустриального и постиндустриального, включающем канву и логику азиатского способа производства, настоящего на всеобщей частной собственности, что влечёт применение понятий пост(недо)модерна или квази(пост)модерна и широкое регулятивное использование ряда иррационально-превращённых форм. Вместе с тем сегодня форсированная трансформация инверсионно включает «в снятом виде» элементы вестернизации, однако отнюдь не

сводится к ним. При этом успешной становится стратегия наращивания собственных преимуществ, а не ликвидации отступлений от внешнего шаблона, стимулирования желательных изменений, а не администрирования с целью выкорчёвывания воображаемых недостатков, повышения разнообразия, а не рабского следования единообразию глобальных канонов и штампов.

Обеспечении гармонии интересов ресурсно-методологическими базами стратегической футуродиагностики и общественного дизайна для актуализации научно-интеллектуального потенциала предполагает обеспечение конкретности всеобщего труда, расширение использования условия умного общества для реализации конкретно-всеобщего труда, новые грани сорезонирования процессов индивидуализации соответственно одарённости каждого субъекта деятельности, а также социализации/аккультурации – в соответствии с общественными условиями труда. Вместе с тем, поскольку сложный труд в условиях структурирования хозяйствования экономикой знаний имеет потенциал развёртывания от прежнего, общественно-случайного, в конкретно-всеобщее положение, имманентные ему структуры стимулирования не просто выходят на передний план, а тоже могут претендовать на уровень конкретно-всеобщих, ориентируя на адекватные изменения в материально-технической базе и социально-политических отношениях.

Соответственно, научно-образовательно-производственные кластеры – ключевое звено в обеспечении подъёма конкурентоспособности региональной системы хозяйствования и благосостояния населения в условиях усиления роли экономики знаний, а их поддержка – важнейшее направление социально-экономического и политического как государственного, так и регионального курса. Стратегический выбор: подъём или деструкция – осуществляется сегодня в разнокалиберности малых тактических развилок и текущих решений оперативки. Разумеется, при этом социально-экономическая целостность отнюдь не сводится к финансовому аспекту и не может быть регулируема исключительно финансовыми средствами. Между тем, при учёте лишь наиболее очевидных связей и механизмов (например, монетарных) упускается виду широкий спектр реакций общества как социально-политической и социокультурной целостности, противопоставляя разные организационно-управленческие уровни. В частности, в обществе знаний эффективное соотношение стратегии, тактики и оперативки общественных преобразований требует приоритетного внимания к управлению изменениями в научно-образовательно-производственных кластерах. Причём из-за большего диапазона последствий использование сегодня социального партнёрства, обогащения деятельности, производственной демократии, групповой организации труда, гибкого рабочего времени, корпоративной культуры, проектно-матричного управления и создания на их основе управленческих композиций могут дать социетальный эффект.

Научно-образовательно-производственные циклы хозяйственной системы содержат как свои ведущие звенья: фундаментальные исследования – прикладные исследования – технические разработки – изготовление новой техники – её распространение и использование. При выкладывании в свободный доступ ведущими мировыми вузами своих базовых курсов для дистанционного/заочного обучения и нарастании числа разнообразных «открытых университетов» и прочих уподоблений общества «Знание» ценность просто транслирующих внешние знания преподавателей (в т. ч. остепененных и увенчанных) настолько падает, что возникает тенденция к отмиранию этой профессии самой по себе – как когда-то летописцев и монастырских переписчиков. Так, ныне преподаватель из «озвучивателя общих истин»

превращается в консультанта и мотиватора. И совсем не только для студентов «своего» вуза, а всего научно-образовательно-производственного комплекса. Впрочем, если в лидирующих странах основная часть дохода преподавателей смещается в направлении оплаты практического консультирования и исследовательских грантов (стимулируя проникновение знаний «вглубь»), то в «ординарных»/«небрендовых» вузах непривилегированных районов полупериферии могут просто экстремально множить педагогическую нагрузку и разнообразие читаемых курсов (подталкивая к освоению «вширь»). Истинность фундаментально-методологических и профессионально-специализированных знаний в совокупности с индивидуальной комбинацией одарённости и креативности подтверждается в решении жизненных (практических и теоретических) задач: у А. Рассела наука – это искусство решения головоломок. Конвейеризация общественно важных инноваций вынуждает слой преподавателей и учёных к кардинальному изменению стиля жизни и места в обществе. Достижение соответствия социокультурных полей условиям «умного общества» требует коррекции на осях «общество – государство – бизнес» и «человек – культурно-цивилизационный мир».

При этом некоторые из ценностных и поведенческих иерархий могут не соответствовать канонам внешнего восприятия. Обретение образом смысла, включение в социокультурное пространство становится осознанным личностным выбором, становлением как гражданственности, так и общественных отношений (социальности, социальной ткани, социокультурного капитала, etc.). Напротив, нисхождение до шаблонов «культурной жвачки», культивирование социального инфантилизма – один из опаснейших рудиментов эгалитаризма. Простенькая культура обкрадывает смысл отношений, доступность вообще лишает смысла. При этом самое глубокое неравенство – неравенство талантов, прежде всего, в создании смыслов, в созидании, восприятии и интерпретации. Однако общественная среда квазидемократических социально-политических образований, с одной стороны, позволяет их правящим и оппозиционным элитам за внешними формами скрывать отличное от них содержание, но, с другой, делает их уязвимыми к воздействиям под лозунгами декларируемых ценностей. В этом контексте крайне актуальным оказывается качество геостратегического позиционирования региональных систем: сохранение собственной идентичности или же превращение в питательную среду и материал псевдозападного общества.

Уровень реализации прав человека, качество его жизни, возможности творческой самодетальности и самовыражения – принципиальные завоевания социального прогресса, его неотъемлемые черты [42–45]. В этих условиях отказ от идеологии социального государства мог бы привести не только к утрате трудового (в частности, научно-интеллектуального) потенциала, ослаблению заинтересованности работников, но и к подрыву социокультурной базы общественного согласия и социально-экономического развития. При этом представления об обществе и государстве общего процветания (благополучия) сегодня связываются, скорее, с ценностно-смысловыми комплексами не праздности и потребительства, а созидания и творческого поиска. Это ориентирует не на скопление разнообразных социальных изживенцев и их услуги, а на активную поддержку творчества с приоритетом прав и свобод человека; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости [46–50]. Сверхпроект отражает и консолидирует «дух эпохи», определяя субъектность изменений, а социокультурная общность как целое

становится субъектом отбора вариантов и оценки социального поведения. Государство же должно не принуждать население, а обеспечивать наилучшие условия общественно приемлемого развития и реализации задатков за счёт формообразования и защиты традиций и устоев на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. При этом ресурсно-методологические базы пиара характеризуют знания и представления о методике осуществления (подготовки и проведения) PR-деятельности; будучи, в частности, всё в большей мере ориентированными на движение от жёсткого администрирования к осуществлению стимулирования желаемых изменений на базе мягких методов гибкой власти.

Эффективное использование инвестиционного механизма общественно значимых инноваций требует: 1) методик продуктивности реализации проекта, 2) подготовленных кадров, 3) навыков работы с инвесторами, 4) совершенствования внутренней организационно-инвестиционной структуры. Будущее каждого из мозговых центров определяется, прежде всего, методологической грамотностью и сугубо индивидуальной одарённостью их сотрудников. Соответственно, наиболее удачное направление инвестиций – люди: их подбор, расстановка, развитие. Разумеется, требуется инновационная направленность инвестиционной деятельности. Вместе с тем реализация возможностей трансформационного периода требует акцента на качестве предоставляемых мозговыми центрами услуг экспертного уровня.

Государственная помощь при этом должна осуществляться как в административной, так и в программно-целевой форме. В первом случае вводится прямое дотационное финансирование. На основе второй производится выдача льготных таможенных, налоговых и прочих патентов «под задачу». Эффективно и обеспечение территориальных концентраций усилий («Силиконовая долина», «Дорога № 128», «Бионическая долина» и т.п.). Цель косвенных методов регулирования инвестиций – стимулирование инноваций и создание благоприятного для новаторской деятельности климата. Для этого продуктивны меры либерализации налогового и амортизационного режима, создание адекватной социальной, финансовой, технико-технологической инфраструктуры, последовательное выстраивание импортно-экспортных приоритетов.

Выводы

Процессы трансформаций в глобальном масштабе могут быть использованы для укрепления и очеловечивания своего культурно-цивилизационного мира за счёт организационно-управленческой постмодернизации. Ойкумена сохраняется и развивается силами саморегуляции. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество и его экономику.

Использование исторического шанса «обогнать, не догоняя», предоставляемого эпохой форсированных всемирных трансформаций, требует срочного принятия мер по созданию комплекса государственной и региональной поддержки как благотворной среды перемен, так и «точек роста», прежде всего, в виде научно-образовательно-производственных кластеров со своими мозговыми центрами. Для новой модернизации необходимо: опережающее развитие отраслей и производств передовых технологических укладов, переброс средств в интеллектоёмкие сферы, введение регуляторов ресурсосбережения и снижения цен (через налоговые льготы, кредитные рычаги), снижение техногенной нагрузки на окружающую среду и самого человека. Пытаться же реализовывать подход «всем сестрам по серьгам», поддерживать понемногу всех и бесполезно, и нереально, поскольку тормозит

назревшие структурные перемены. Соответственно, лишь некоторые существующие научно-промышленные комплексы вырастят свои научно-образовательно-производственные кластеры передового уровня; большинство может быть saniровано лишь в отдельных линиях и узлах, но не в целом. Напротив, акцентирование сырьевой, продовольственной и инфраструктурной направленности способно усилить зависимость от внешних центров силы.

Тем более необходимость усиления формообразования регулятивных управленческо-организационных инноваций на основе своих базовых ценностно-смысловых комплексов связывается с постсовременным парадигмальным переходом от приоритета материального воспроизводства на том его уровне, который фиксируется наличием гонки сверхпотребительства («суперконсьюмеризма»), формированием финансово-страховых «пузырей», крайней неравномерностью распределения преимуществ и недостатков общественной системы и прочим, к акцентированию духовно-интеллектуального созидания, ментально-виртуальной сферы, наращивания пластов художественной и научной культуры. Длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда уже зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей и угрозами всей планетарной экосистеме. Смысл соборности в организации стратегического управления процессами гуманизации общественных отношений – консолидация социума, позволяющая реализацию различных социальных интересов без их антагонизма и подавления. Глубоко личностный характер одарённости отражается в интегральных качествах материального и духовного производства, в ассоциации и кооперации деятельности по созданию и распространению предметов культуры, навыков и знаний.

Дальнейшее научное осмысление темы, по нашему мнению, может быть оптимизировано путём приоритетного исследования перспектив и ограничений эффективного информационного влияния: социального – по уровню, социокультурного – по качеству содержания.

Список использованных источников:

1. Лосев А.Ф. Дерзание духа / А.Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1988. – 364 с.
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря / Н.А. Бердяев // Судьба России. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 224–334.
3. Желнов М.В. Предмет философии в истории философии / М.В. Желнов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 720 с.
4. Ильенков Э.В. «Идеальное» / Э.В. Ильенков // Философская энциклопедия. – М. : Политиздат, 1962. – Т. 2. – С. 219–227.
5. Ильенков Э.В. Диалектика идеального / Э.В. Ильенков // Логос. – 2009. – № 1. – С. 6–62.
6. Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном / М.А. Лифшиц // Вопросы философии. – 1984. – № 10. – С. 120–145.
7. Платон. Политика или государство. Книга седьмая / Платон [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://royallib.com/book/platon/gosudarstvo.htm>.
8. Коршунов А.М. Творчество и отражение в историческом познании / А.М. Коршунов, В.Ф. Шаповалов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 191 с.
9. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах / Э.В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1968. – 319 с.

10. Лившиц М. Диалог с Эвальдом Ильенковым: (проблема идеального) / Мих. Лифшиц; [сост., послесл. В.Г. Арсланова]. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 368.
11. Сагатовский В.Н. Бытие идеального / В.Н. Сагатовский. – СПб. : Петрополис, 2003. – 103 с.
12. Казанова Н.В. Спор о проблеме «идеального» в советской философии и становление виртуальной реальности / Н.В. Казанова // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://human.snauka.ru/2015/05/11147>.
13. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание / [под ред. Е.Я. Режабека]. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. – 240 с.
14. Миносян А.М. Материальные формы бытия мышления / А.М. Миносян // Диалектическая логика. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1966. – С. 9–27.
15. Шедяков В.Є. Постсучасні трансформації комплексу відносин відчуження / В.Є. Шедяков // Мультиверсум. – 2012. – № 10 (118). – С. 3–13.
16. Шедяков В.Е. Творческий труд – средство преодоления отчуждения / В.Е. Шедяков // Деятельность: философский и психологический аспекты / [гл. ред. В.Н. Сагатовский]. – Симферополь : Таврида, 1988. – С. 64–66.
17. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 41–174.
18. Яковлев Д.В. Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація / Д.В. Яковлев ; МОН України ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса : Астропринт, 2009. – 288 с.
19. Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 2004. – № 3. – С. 17–27.
20. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М. : Прогресс, 1994. – 368 с.
21. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира / М.С. Гусельцева // Вопросы психологии. – 2003. – № 1. – С. 99–115.
22. Афанасьева В.В. Нелинейное развитие социума: постнеклассический анализ / В.В. Афанасьева, Н.С. Анисимов // Власть. – 2013. – № 1. – С. 68–71.
23. Моисеева И.Ю. Концепция самоорганизации в контексте постнеклассической парадигмы / И.Ю. Моисеева // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2005. – № 11. – С. 80–86.
24. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении / В.Н. Сагатовский. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 232 с.
25. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.:Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
26. Шедяков В.Е. Социология трансформирующегося общества / В.Е. Шедяков // Бизнес Информ. – 1996. – № 1. – С. 4–9; № 2. – С. 4–9.
27. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление / В.Е. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 4 (3). – С. 104–114.
28. Шедяков В.Є. Система світогосподарських зв'язків переживає стан, близький до інституціональної невизначеності / В.Є. Шедяков // Економіст. – 2015. – № 9. – С. 1–3.
29. Валлерстайн И. Геополитические миро-системные изменения: 1945–2025 годы / И. Валлерстайн // Вопросы экономики. – 2006. – № 4. – С. 67–82.

30. Гасратян К.М. Сфера культуры в постиндустриальной экономике / К.М. Гасратян // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 7. – С. 84–90.
31. Бодров А.А. Виртуальная реальность как когнитивный и социокультурный феномен / А.А. Бодров. – Казань : Таглимат, 2005. – 195 с.
32. Шедяков В.Є. Конкуренція смислів і протистояння стратегій соціально-інформаційних систем / В.Є. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 2 (17). – С. 109–114.
33. Шедяков В.Є. Мегапроект як умова існування країни / В.Є. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2012. – № 1-2. – С. 50–60.
34. Шедяков В.Е. Социальная справедливость как фактор стратегической конкуренции / В.Е. Шедяков // Рухес. – 2016. – № 1. – С. 75–84.
35. Шедяков В.Є. Використання країною діапазону можливостей інформаційної сфери при глобальному переході до шостого технологічного укладу / В.Є. Шедяков // Політологічний вісник. – 2010. – Вип. 50. – С. 128–138.
36. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. II. – С. 5–392.
37. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – Т. 4. – М. : Мысль, 1984. – 563 с.
38. Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Дж. Мирандола // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли : в 5 т. / пер. с лат. : Л.М. Брагина. – Т. 1: Античность, Средние века, Возрождение. – М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. – С. 506–514.
39. Кропанева Е.М. Идея права на достойное человеческое существование: исторические тенденции и альтернативы / Е.М. Кропанева, М.Р. Москаленко // ВУЗ. XXI век. – 2014. – № 1 (44). – С. 50–62.
40. Анисимова Т.Г. Социальная адаптация как объект управления / Т.Г. Анисимова // Власть. – 2013. – № 7. – С. 132–135.
41. Шедяков В.Є. Відчуження як форма соціалізації особистості / В.Є. Шедяков // Сучасна українська політика. – 2012. – Спецвипуск: Інтеграційні процеси в сучасному світі: регіональні виміри. – С. 377–386.
42. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме : Работы разных лет / И.Т. Фролов. – М. : Политиздат, 1989. – 559 с.
43. Шедяков В.Е. Гуманизм как приоритет социально ответственного поведения / В.Е. Шедяков // Actual questions and problems of development of social sciences: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference «Current issues and problems of social sciences». – Kielce, Republic of Poland, June 28–30th, 2016. – P. 89–92.
44. Шедяков В.Е. Создание привлекательных условий жизни и благоприятных для творчества предпосылок – цель и условие долгосрочного эндогенного социально-экономического развития при формировании «умного общества» / В.Е. Шедяков // The Development of International Competitiveness: State, Region, Enterprise: Proceedings of the International Scientific Conference. – Lisbon, Portugal, December 16th, 2016. – Part II. – P. 34–36.
45. Третьякова Е.С. Права человека в современном мире: некоторые проблемы закрепления и защиты / Е.С. Третьякова // ВУЗ. XXI век. – 2014. – № 1 (44). – С. 35–49.

46. Шедяков В.Е. Воплощение идей социального государства: утопия или необходимость, позади или впереди? / В.Е. Шедяков // Первый независимый научный вестник. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 44–48.

47. Шедяков В.Е. Между умным обществом и диктатурой крупного капитала / В.Е. Шедяков // Суспільні науки: напрямки та тенденції розвитку в Україні та світі: Матер. Міжнар. наук.-практ. конф. – Одеса, 15–16 липня, 2016. – С. 71–75.

48. Шедяков В.Е. Социальная ответственность как условие продуктивной основы гармонии интересов / В.Е. Шедяков // Economy and Society: modern foundation for human development: Proceedings of the International Scientific Conference. – Leipzig, Germany, October 31st, 2016. – Part II. – P. 66–68.

49. Шедяков В.Е. Развитие социальной справедливости: место социетального управления / В.Е. Шедяков // Theoretical and applied researches in the field of pedagogy, psychology and social sciences: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference. – Kielce, Republic of Poland, December 28–29th, 2016. – P. 144–147.

50. Шедяков В.Е. Гуманизация социальных отношений средствами публично-приватного партнёрства в процессе становления умного общества / В.Е. Шедяков // Personality Development In the Age of Globalization. – Morrisville, USA : Lulu Press, 2016. – P. 46–50.

Янушевич І.А.,

*кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії та методології науки
Одеського національного політехнічного університету*

МОДАЛЬНІСТЬ МОЖЛИВОГО В ПАРАДИГМІ ГУМАНІТАРНИХ НАУК

Анотація

Існування модальності дозволяє аналізувати форми людської діяльності, культури і свідомості з погляду їх відтворювального змісту. Аналіз тієї або іншої функції культури не зводиться до її ототожнення з модальністю, але повинен виявити її структуру, що лежить у конкретно-історичній формі, виявити провідну модальність. Розмежування трьох модусів буття і, відповідно, трьох модальностей висловлювання належить до прадавніх тем філософії. Ще Арістотель виділяв дійсне, можливе і необхідне – поділ, пізніше розвинений у середньовічній схоластиці І. Кантом. Очевидно, ви členення трьох модальностей відповідає якійсь глибинній моделі свідомості. Особливий інтерес щодо цієї тріади викликає той факт, що вона ніяк не укладається в діалектичну схему, не розкладається на тезу, антитезис і синтез. Кожна з модальностей визначається стосовно іншої, але не може бути зведена до синтезу двох модальностей або до їх опосередкування. Сучасна філософія, вичерпавши модальність суцього і належного, які звужували її теоретичну достовірність, відкриває в собі третю модальність – модальність можливого, яка здатна розширити її практичну застосовність.